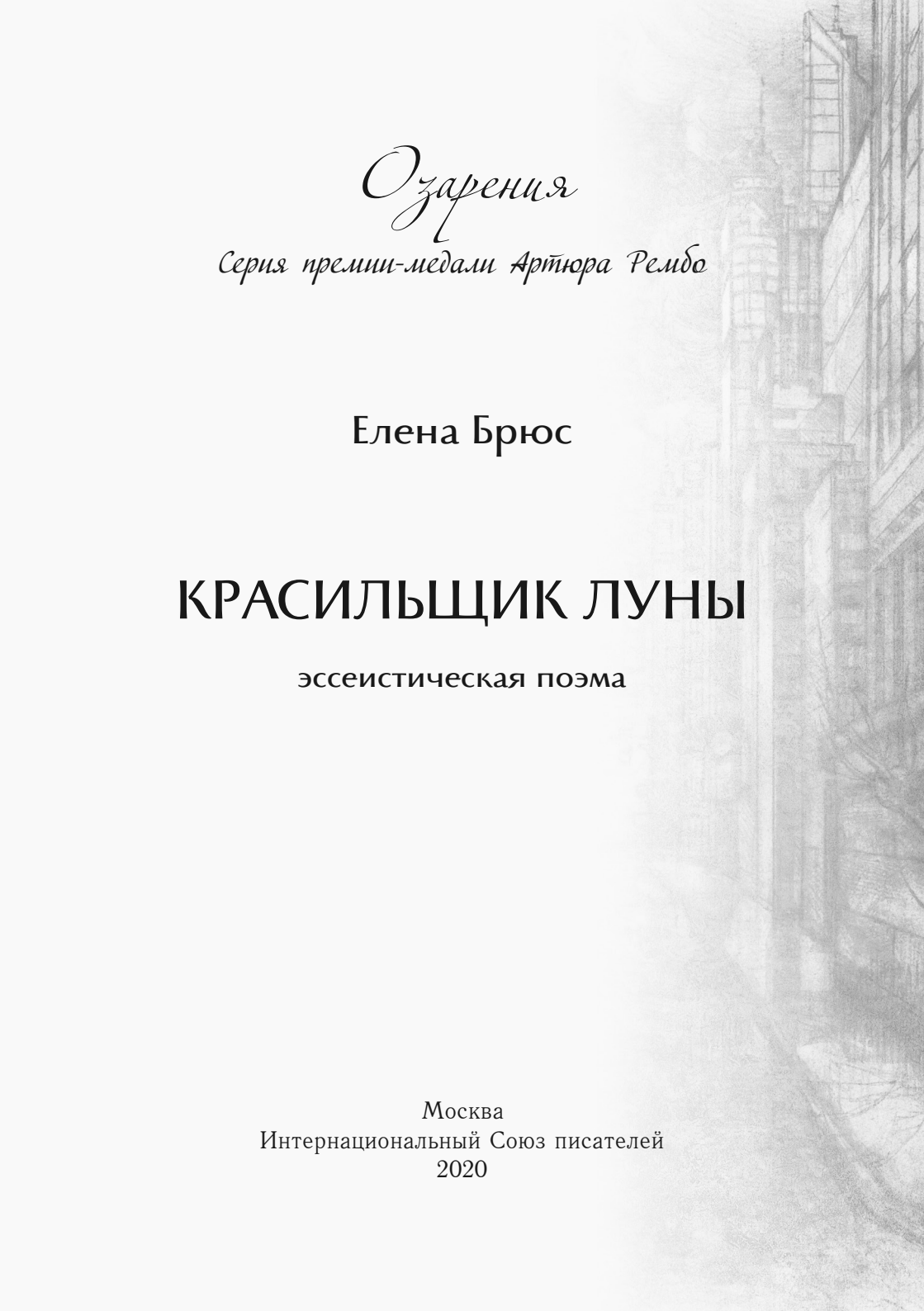

Озарения

Серия премии-медали Артюра Рембо

Озарения

Серия премии-медали Артюра Рембо

Елена Брюс

КРАСИЛЬЩИК ЛУНЫ

эссеистическая поэма

Москва
Интернациональный Союз писателей
2020

УУДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б89

Составитель серии Магдлена Тихомирова

Брюс, Елена

Б89 Красильщик луны: эссеистическая поэма / Елена Брюс. – Москва: Интернациональный Союз писателей, 2020. – 104 с. – (Серия «Озарения»).

ISBN 978-5-907350-99-1

Эта книга – случайная встреча, диалог с поэтом и его наследием, которое во сне и наяву мерещится на каждом шагу жизни автору, разговор ни о чем и обо всем.

Вглядитесь в лица прохожих: он здесь, рядом с вами, одержимый властью над собственным Голосом алхимик, рыдающий над современностью и олицетворяющий ее издревле, – поэт Артюр Рембо. Пытающийся «переписать настоящее, чтобы изменить будущее». Кто сегодня осмелится заразиться пьянящим духом познания действительности и мудрости и ответить ему тем же?

**УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6**

© Елена Брюс, 2020
ISBN 978-5-907350-99-1 © Интернациональный Союз писателей, 2020

ЕЛЕНА БРЮС – типичный представитель тех творческих личностей, что поют песни под гитару у костра и читают стихи собственного сочинения своим кошкам, рифмуют поздравления для друзей и все свои произведения убирают в ящик стола. Большинство из таких авторов остаются неслышанными и неузнанными. Но некоторые прилагают усилия и находят смелость, чтобы превратить свои внутренние монологи в диалоги с читателем. Автор этой книги – одна из них. Основной жанр ее стихотворений – философская лирика. Своими наставниками на литературном поприще считает поэтов Серебряного века, а также поэтов-символистов. В работах не приемлет личного трагизма и сентиментальности, практически все ее творчество покрыто налетом едва уловимого цинизма, но, несмотря на это, уже приобрело свой небольшой круг читателей.

С 2012 года Елена публикует свои произведения на литературных интернет-ресурсах, является номинантом премии «Поэт года – 2020», участником ежегодного конкурса «Классики и современники», который проводит Российский союз писателей совместно с «Литературной газетой».

ПИСЬМО, КОТОРОЕ НИКОГДА НЕ БЫЛО ОТПРАВЛЕНО, НО АДРЕСАТ ОТВЕТИЛ

Bonjour, cher ami Arthur,

я потерялся во времени. Пишу тебе из будущего, которое никогда не наступит. Мои слова тебе – из сонных дней, из тягостных ночей, из тех времен, где только утро дарит слабую надежду, что голос говорящих правду будет услышан. Из времени того, где презираются симфонии стихов, где правят пустота и молчание мертвых языков, и их пособники – слепые диалекты с раскрашенными шутовскими лицами. Все также беспощадны и пафосны рифмоплеты, и скоморохи, и их учителя, мнящие себя великими мастерами слова. Видят ли они грязь на своих костюмах, поэты и критики в белоснежных пальто, напялившие на шеи орден из красивых бессмысленных слов... Ценители словесности бормочут: как символична речь, как экспрессивен слог! А сами брезгливо морщат носы и отворачивают лица от той четкой и устрашающей их чахлое воображение картины поэзии, которую ты им преподнес... Да что тебе их проклятия, насмешливый мальчишка, бунтовщик! Ты просто развернул зеркала времени, и в них отражаются они сами, их лица, скрытые масками приличия. И не твои откровенные слова, поражающие недетской дерзостью страшат их, а их собственные рожи. Никогда не просил ты милостыни у черноголовых галок, не равным был ты среди них, существующих и сейчас, тех, которых не коснулась призма времени, не живых и не мертвых трусливых крикунов. Пугает птиц галдящих одно присутствие хищника, страшит их то, что их добропорядочный быт рушится под жестокими (но так ли они жестоки?) отражениями прекрасной действительности в грязи и ликах смерти. Что называется «адам»? Детская страшная сказка невообразима и смешна... Те мифические зазеркалья, которыми пугают грешников, огонь

геенны, котлы и сковороды – чем не кухня для пожирателей душ! Да и кто они, эти заблудшие души, кто удостоится чести увидеть их – лишь чернокнижник и колдун или несчастный одинокий ребенок на старой мельнице? Перемелют время ее жернова, и опустеет она без твоих молитв и снов... Но нет тебя среди мертвецов, хоть в далеком Шарлевиле есть обелиск с твоим именем. А в Париже установлен памятник тебе, но, на мой взгляд, он уродлив. Твой настоящий памятник – это разбитый остов корабля, того, опьяненного морем отчаяния, обветренного одиночеством. Те, кто жив сейчас и знаком с тобой, не шлют тебе проклятий, лишь благодарность и поклон. О, как мучительно сложны твои тексты для переводчиков! И сколько заплат цензоров наложено на твои стихи! Я плакал с твоим дождем, бродил по парижским тропам, плыл пьяным кораблем и озарен твоими озареньями! Сегодня флаги так же гордо развеваются над современными кораблями и над зданиями посольств различных стран, гордящихся своими несуществующими различиями. И так же ужасны взгляды мертвецов-понтонеров! Скажи мне, стал ли той самой маленькой лодкой в руках ребенка?... Какими только эпитетами не «наградили» тебя за сто пятьдесят лет! Безбожник, падший ангел, наследник декаданса! Церковные пастыри крестили бы тебя вослед и призывали бы изгонять бесов из несчастного грешника... Но Бога видел ты в своих «Озарениях» и каялся перед ним... Я знаю, что в приступе отчаянной боли ты сжег свои рукописи. Бумага сгорела, рассыпались пеплом чернила... Хотел ты, верно, убежать. И убежал... Как твой корабль – в мятущиеся бури жизни. Но голос твой звучит и сейчас, отзывается в сердцах живых набатом. Ты замолчал. Но колокол звучит так громко, что его не перекричать и не заставить замолчать. А если он и замолчит, то обязательно придет другой звонарь. В пространстве вечности язык един! Dans l'espace de l'éternité, chacun parle la même langue!

Сломав и закопав трубу,
Не уничтожить музыканта.
Пусть фрак его истлел
И горло поглотила сырость,
И губы больше не отсчитывают такт...
Но живы звуки, жив источник их.
Они – ключи от всех дверей.
И есть слова и ноты – непереводимы,
Написанные шрифтом для слепых,
Колоколами онемевших звонарей.
Для тех, кто в вечности живет,
Нет вечеров, и дней, и утр.
Тот человек, что завтра ждет –
Он не был мудр.
Скалу раскалывает прут
Побега молодого – в этом сила.
В могилы умерших кладут.
А мертвому вся жизнь – могила...
Тому, кто в вечности живет,
«Адов» огонь не страшен.
Его не тронет душу грязная молва...
Пусты, как скорлупа, глазницы ваши,
Эй, смертные! Смотрите в зеркала!

ЗДРАВСТВУЙ, РЕМБО

*Я нашел его в той стороне,
Где молитвы не знают ответа,
Где в открытом на лето окне
Ни фотона не видел света.*

Весна! Гремящий город, пропахший талой грязью. Мой родной... Мой дом с обветренными стенами, ты равнодушно вздыхаешь, и теплота пышет в мое лицо. Аллеи подсыхают

и жмурятся под майским отдохнувшим солнцем. Толкутся сорняки по обочинам. В воздухе растворена надежда одуревшей молодости по лету. Бесцельно иду я под руку с бездельем по аллее. Она розовеет от обсыпавшихся лепестков диких яблонь, стоящих ровно по ее краям. Они есть в каждом городе, эти одомашненные жители лесов – опрятные низкие деревья, вежливые, как служащие офисов. Совершенное уютное местечко – аллея городского сквера. Мир чист вокруг, как только что отмытое стекло... И чистота слепит глаза, один миг – и замирает все вокруг. Мне кажется, земля покрыта снегом. Сжимает сердце страх, пробрался внутрь зимний холод, там, прямо в буйстве мая. Снег! Только не надо, Господи, снова зимы! Стыдливо ежусь я, слепой щенок, потерявший тепло. И тает, тает наваждение. И вместе с ним теряется покой. Пропало все. И все вокруг как будто вдалеке. Стою и вижу будто свыше – свое ничтожество и глупость. Поэт с улыбкой дурака! Все так, как есть, все на своих местах. Гуляет полураздетая весна, ты снова обманут, испуган и счастлив. Не снег на асфальте, а лепестки осыпающихся цветущих яблонь – постоянство ожидания нового времени года. Не жди, не плачь, все идет чередом. Я счастлив быть дитем природы, я наивен и любознателен. Грею меня, лето, пой ветром, весна, лейся стихами! Я люблю землю. Это, кажется, единственная часть мира, которую я люблю. Я преклоняюсь перед ассиметричной бесконечностью природного единства и красоты. Пересыпая почву в руках, не вижу грязи. Прах времен, материя тайны плодородия – верю в то, что в ней скрыта тайна рождения новой жизни. Подумать только – я боюсь зимы, как смерти. Изменник самому себе. Слабак, боюсь навсегда остаться на той теплой, засыпанной лепестками аллее, на любимой земле. Не прийти никуда, не найти смысла. Как всякий одинокий человек, я живу во множестве книг, глотаю чужие слова, как оборванец – бесплатный обед. Спасибо, хватит, я захлебываюсь

в мечтах. Какая жалость – стать бы мне героем тех историй, кипенья чувств, невероятных приключений. Бурлит в душе счастье единения с природой, а руки не находят себе места. Я словно мальчик в ежегодный праздник, заваленный подарками – хватаюсь то за одно, то за другое, бросая и снова начиная бесполезные дела. Ноги заплетаются, я будто пьян сознанием того, что вечная природа хранит меня, как мать, под теплым крылом. Язык мой глуп, я обличаю вещи и выдаю свои мыслишки и маленькие чувства за нерушимость жизненных законов. Я чтец стихов, своих беспородных отродий, и известных симфоний. Поэты удивляют красотой. Воспета жизнь, любовь, и молодость, и старость. И только смерть и боль ютятся на задворках. Ты, власть оцепенения зимы и ночи, мне даже страшно думать о тебе. Зачем, скажи, ты появилась, ты, странная тоска по обратной стороне земли, зачем ты мне, несчастному, обиженному нелюбовью мира, скулишь, дворняга, рвешь меня на части? Я счастлив был бы просто жить, не думая, не зная и не веря. Мне не с кем говорить. Я с радостью бы принял ранг посмешища в глазах людей, тогда бы, наверно, шевельнулось каменное сердце мое. Случай или судьба свели меня с тобой, Артюре Рембо, – теперь уже неважно. Путь назад закрыт.

Далекий близкий век,
Безродные певцы,
Слышны ли вам мои
Смешные монологи?
Открыта дверь в безвременье,
И только сделать шаг
Через обитые страданием пороги.
Творец времен, вернувшись
На погибель, я предаю
Себя, того, кто не родился,
Лазури чернота и вечный света сон,
Слепой заре все помнится и мнится...